А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 216** **29 сентября 2026 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ка. от 12 января 2026 года (вх. № … от …) в отношении адвоката К. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 05 августа 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в том, что:

– заключив с Ка. 28 января 2025 года Соглашение № 1 об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокатом К. было принято поручение по осуществлению защиты Ка. в СО ОМВД России по району М. города Москвы, он не выдал доверителю второй экземпляр указанного соглашения;

– удержав из оказавшихся в его распоряжении по состоянию на 02 февраля 2025 года денежных средств Ка. в общей сумме 155 283 рубля денежную сумму в размере 25 000 рублей в счет причитающейся ему оплаты за работу по Соглашению № 1 об оказании юридической помощи от 28 января 2025 года, он в неустановленную дату внес ее в кассу адвокатского кабинета, но не выдал доверителю Ка. квитанцию к приходному кассовому ордеру;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в том, что получив от следователя СО ОМВД России по району М. города Москвы Л. 23 января 2025 года принадлежащие Ка. денежные средства в сумме 46 000 рублей, а также получив от указанного следователя 29 января 2025 года принадлежащие Ка. золотые изделия в количестве 10 штук, которые были реализованы адвокатом К. 29 января и 02 февраля 2025 года на общую сумму 109 283 рубля (13 631 рубль + 9 952 рубля + 85 700 рублей), адвокат К., после удержания причитающихся ему 25 000 рублей в счет оплаты работы по заключенному соглашению, имея реальную возможность выполнить поручение доверителя о перечислении на ее лицевой счет в ФКУ СИЗО-6 ГУФСИН России по городу Москве в январе – феврале 2025 года денежных средств в размере 130 283 рубля за вычетом соответствующей комиссии, в срок по 19 мая 2025 года перевел ей четырьмя равными платежами только 56 000 рублей, заплатив комиссию за указанные переводы из средств доверителя в размере 3 074,4 рубля;

3) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в неперечислении доверителю Ка. вплоть до ее смерти, имевшей место 04 июня 2026 года, принадлежащих доверителю денежных средств в общей сумме 71 208,6 рублей под предлогом потери с ней связи после отправления ее к месту отбывания наказания и невозможности определения суммы, причитающейся доверителю Ка.;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе по жалобе Ка. от 12 января 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, с выводами Комиссии по существу согласился, однако отрицал намерение злоупотребить доверием Ка. или подорвать его, а также пользоваться ее денежными средствами в личных целях. Поддержал свои предыдущие пояснения, согласно которым он не перечислил ей все причитающиеся денежные средства по техническим причинам — из-за ограничений на сумму перевода в СИЗО, а также из-за того, что после отправки Ка. в колонию для отбывания наказания не имел точных сведений о ее местонахождении. Отвечая на вопросы членов Совета о причинах невозвращение денежных средств доверителю в течение почти

года, сообщил, что планировал перечислять Ка. денежные средства по 15 000 рублей, и ему было необходимо подтверждение того, что они ей были получены. Утверждал, что ему было неизвестно то, куда именно ему необходимо было перечислять ей указанные денежные средства после ее этапирования. При этом признал, что начал выяснять местонахождение Ка. для того, чтобы возвратить ей принадлежащие ей денежные средства, лишь после возбуждения в отношении него дисциплинарного производства и вынесения заключения Квалификационной комиссии. Дополнительно пояснил, что, узнав о смерти Ка., перечислил 50 000 рублей в фонд помощи онкологическим больным. Хотя его задолженность перед Ка. составляла около 100 000 рублей, часть этих денежных средств была им израсходована на проезд в исправительное учреждение в С., где отбывала наказание Ка., и обратно. Пояснить, почему расходы на его передвижение должны быть покрыты средствами уже умершей доверительницы Ка., не смог. Относительно невыдачи Ка. экземпляра соглашения и финансового документа об оприходовании вознаграждения пояснил, что она об этом не просила, и только в момент ее посещения он узнал о возникших у нее претензиях, однако второго экземпляра соглашения у него с собой не было.

Как установлено Квалификационной комиссией, заявитель Ка. умерла 04 июня 2026 г. Поскольку смерть заявителя не препятствует рассмотрению и разрешению дисциплинарного производства, а представитель Ка. в нем не участвует, Совет, руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, рассмотрел дело в отсутствие представителя заявителя Ка.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить правовую квалификацию действий адвоката К. как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат К. вступил в уголовное дело в отношении Ка. в качестве защитника по назначению следователя 31 октября 2024 года. 28 января 2025 года между адвокатом К. и Ка. заключено Соглашение № 1 об оказании юридической помощи, по которому адвокат принял поручение по осуществлению защиты Ка. в СО ОМВД России по району М. города Москвы. Вознаграждение адвоката К. составило 25 000 рублей.

Иных поручений, в том числе по распоряжению имуществом доверителя, в Соглашении не содержится, однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что такое устное поручение адвокатом было принято и впоследствии частично исполнено. При этом им не были исполнены предусмотренные п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности, возложенные на адвоката при принятии такого поручения.

Адвокатом К. от следователя были получены изъятые у Ка. денежные средства в размере 46 000 рублей, а также золотые изделия с указанием

индивидуализирующих признаков каждого изделия, о чем были составлены расписки от 23 и 29 января 2025 года. В результате продажи указанных золотых изделий, принадлежащих Ка., адвокат К. получил денежную сумму в размере 155 283 рубля, из которой удержал 25 000 рублей в счет оплаты своей работы по Соглашению, оформив приходный кассовый ордер от 29 января 2025 года № ….

Далее адвокат К. перевел на лицевой счет Ка. в следственном изоляторе 56 000 рублей четырьмя равными частями. С каждого перевода ФСИН России удержало комиссию в размере 768,6 рублей. Остальные денежные средства, принадлежащие Ка., адвокат К. ей не переводил.

04 июня 2026 года осужденная Ка. скончалась в ФКУ ЛИУ-3 УФСИН России по Республике М.. После попытки посетить ее по месту отбывания наказания и получения сведений о смерти, 06 июля 2026 года адвокат К. сделал добровольный взнос в Фонд «О…..» М. на сумму 50 000 рублей.

В своей жалобе заявитель Ка. выдвинула в отношении адвоката К. следующие дисциплинарные обвинения:

– в ненадлежащей формализации правоотношений с ней, выразившейся в невыдаче второго экземпляра соглашения об оказании юридической помощи и документа об оприходовании денежных средств в размере 25 000 рублей, удержанных адвокатом в счет оплаты работы;

– в волоките при перечислении денежных средств, полученных от следователя и от реализации золотых изделий, а также в присвоении оставшейся части этих средств;

– в неисполнении договоренности о получении в медицинских учреждениях документов о наличии у заявителя заболеваний, препятствующих отбыванию наказания.

В жалобе также содержатся претензии в реализации золотых изделий через ломбард по низкой цене.

Совет, рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащей формализации адвокатом К. отношений с доверителем, признает его обоснованным в силу следующего.

Адвокат, являясь профессиональным участником юридического правоотношения, обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Эта профессиональная обязанность адвоката распространяется в равной мере как на процесс непосредственного оказания доверителю юридической помощи, так и на формализацию отношений с доверителем. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также в соответствии с п. 1 Разъяснений от 29 сентября 2014 года № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокатом К. эти профессиональные обязанности перед доверителем Ка. не исполнены. Так, заключив с Ка. Соглашение об оказании юридической помощи, он не выдал ей экземпляр указанного соглашения, а, удержав из денежных средств Ка. сумму в размере 25 000 рублей в счет своего вознаграждения за оказание юридической помощи, внес ее в кассу адвокатского кабинета, но не выдал доверителю Ка. квитанцию к приходному кассовому ордеру.

Довод адвоката К. о том, что вначале Ка. не просила его о выдаче ей этих документов, а затем он не имел возможности это сделать, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку адвокат был обязан и имел реальную возможность в период действия соглашения передать доверителю его экземпляр, а также финансовый документ об оприходовании полученных от нее денежных средств, однако этого не сделал.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат К., получив денежные средства Ка. в размере 130 283 рубля (за вычетом соответствующей комиссии) в срок по 19 мая 2025 года перевел доверителю Ка. четырьмя равными платежами только 56 000 рублей и не перечислил ей вплоть до смерти принадлежащие ей денежные средства в общей сумме 71 208,6 рублей, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката.

Пункт 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает возможность адвоката принимать поручение доверителя по распоряжению принадлежащими ему денежными средствами, при этом устанавливая, что средства доверителя всегда должны находиться на счете в банке или в какой-либо другой организации (в том числе у профессиональных участников рынка ценных бумаг), позволяющей осуществлять контроль со стороны органов власти за проводимыми операциями, и что адвокат в порядке адвокатского делопроизводства обязан вести учет финансовых документов относительно выполнения поручений по проведению операций со средствами доверителя, которые должны предоставляться доверителю по его требованию.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по состоянию на 02 февраля 2025 года в распоряжении адвоката К. в результате получения им от следователя на основании устного поручения Ка. изъятых у нее денежных средств и золотых изделий, а также последующей реализации на основании того же поручения этих золотых изделий находились денежные средства Ка. в размере 155 283 рубля, из которых 25 000 рублей он удержал в счет своего вознаграждения за оказание юридической помощи в соответствии с условиями заключенного соглашения. После этого у него осталось 130 283 рубля, из которых он перечислил доверителю Ка. только 56 000 рублей четырьмя платежами, последний – 19 мая 2025 года. Оставшуюся часть денежных средств адвокат К. не возвратил Ка. вплоть до смерти последней 04 июня 2026 года.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что у адвоката К. не имелось препятствий для надлежащего исполнения поручения доверителя в разумный срок – в январе-феврале 2025 года, а после 19 мая 2025 года отсутствовали основания для удержания 71 208,6 рублей (155 283 рубля – 25 000 рублей – 56 000 рублей – 3 074,4 рубля, составивших комиссию за переводы доверителю денежных средств в размере 5,49% от каждого из четырех переводов на сумму 14 000 рублей (768,6 × 4)).

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о неисполнении адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в неперечислении ей вплоть до ее смерти, имевшей место 04 июня 2026 года, принадлежащих ей денежных средств в общей сумме 71 208,6 рублей. Указанные действия (бездействие) подрывают доверие к адвокату К. и свидетельствуют о злоупотреблении им доверием Ка.

Доводы адвоката К. о наличии «лимита» переводов, установленного ФСИН РФ, и потере связи с доверителем Ка. Совет отклоняет как надуманные и несостоятельные. Согласно общедоступной информации, содержащейся на электронном сервисе «ФСИН-деньги», сумма и количество переводов лицам, содержащимся под стражей, не ограничены, комиссия за перевод составляет 5,49%, но не менее 75 рублей. Адвокат Кирсанов беспрепятственно мог получить эти сведения, и у него не имелось каких-либо затруднений в расчете вырученных им же от продажи золотых изделий денежных средств Ка., оставшихся в его распоряжении после 19 мая 2025 года. Он также имел реальную возможность получить информацию о месте отбывания наказания Ка. в суде, что он и сделал, однако лишь после возбуждения в отношении него дисциплинарного производства и вынесения заключения Квалификационной комиссии, которым его описанные действия и бездействие были признаны дисциплинарным нарушением.

Вместе с тем, Совет полагает необходимым отметить, что пункты 2 и 3 резолютивной части заключения Квалификационной комиссии от 05 августа 2026 года, дублируют друг друга, поскольку в них с разных сторон описывается одно и то же нарушение, а именно – ненадлежащее исполнение адвокатом К. своих обязанностей по распоряжению денежными средствами

доверителя Ка., выразившееся в перечислении ей лишь 56 000 из 130 283 рублей и удержании 71 208,6 рублей без законных оснований. Разделение единого нарушения на две самостоятельных части с раздельной правовой квалификацией приводит к искусственному дублированию дисциплинарного обвинения. По этой причине Совет приходит к выводу об объединении дисциплинарных обвинений, изложенных в пунктах 2 и 3 резолютивной части заключения Квалификационной комиссии, в одно дисциплинарное обвинение, а именно: в ненадлежащем, вопреки требованиям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в том, что он, получив в свое распоряжение денежные средства Ка. в общей сумме 155 283 рубля и удержав из них 25 000 рублей в счет вознаграждения за оказание юридической помощи, имея реальную возможность перевести доверителю Ка. на ее лицевой счет в ФКУ СИЗО-6 ГУФСИН России по городу Москве денежные средства в размере 130 283 рубля за вычетом соответствующей комиссии, в срок по 19 мая 2025 года перевел ей только 56 000 рублей, оплатив комиссию за переводы из средств доверителя в размере 3 074,4 рубля, а оставшиеся денежные средства в размере 71 208,6 рублей в отсутствие законных оснований удерживал вплоть до смерти доверителя, наступившей 04 июня 2026 года, под предлогом потери с ней связи после отправления ее к месту отбывания наказания и невозможности определения суммы, причитающейся доверителю Ка.

С учетом внесенных корректировок Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в отношении описанных выше дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении этих дисциплинарных нарушений – установленной.

Анализируя дисциплинарное обвинение в неисполнении адвокатом К. договоренностей с Ка. о получении в медицинских учреждениях документов о наличии у нее заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что оно не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Заявитель Ка. не представила доказательств того, что адвокат принимал на себя обязательства по сбору медицинских справок, при этом в своей апелляционной жалобе на приговор ссылалась на имеющиеся в деле документы, касающиеся момента возникновения у нее онкологического заболевания, а также на то, что на основании заключения врачебной комиссии установлено отсутствие у нее заболевания, препятствующего ее содержанию под стражей. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Претензии заявителя относительно реализации адвокатом К. золотых изделий через ломбард по низкой цене не являются предметом рассмотрения в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку свидетельствуют о наличии имущественного спора, подлежащего разрешению путем

переговоров либо в порядке гражданского судопроизводства. В компетенцию органов адвокатского самоуправления разрешение таких споров не входит.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенные им нарушения, Совет принимает во внимание их множественный, грубый и умышленный характер, а также их существенные негативные последствия как для доверителя, так и для авторитета адвокатуры. Эти нарушения не сводятся к отдельным недостаткам в осуществлении адвокатом К. профессиональной деятельности, а свидетельствуют о грубой и системной недобросовестности его профессионального поведения, об отсутствии у него необходимых профессиональных и личных качеств для осуществления адвокатской деятельности, а также о том, что при ее осуществлении он преследует цели, несовместимые с назначением профессии и ее существом. Установленный в результате дисциплинарного разбирательства факт длительного и необоснованного удержания денежных средств доверителя, находившегося в условиях лишения свободы и объективно зависевшего от добросовестного исполнения адвокатом принятого поручения, не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах. Такое профессиональное поведение адвоката К. подрывает доверие к адвокату, свидетельствует о злоупотреблении им доверием и причинении вреда авторитету адвокатуры и в силу этого, а также с учетом императивного характера п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката несовместимо со статусом адвоката. По этим причинам Совет считает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет учитывает последующее (после смерти Ка.) перечисление адвокатом К. 50 000 рублей в благотворительный фонд, а также его длительный профессиональный стаж и отсутствие дисциплинарных взысканий, однако признает невозможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не отвечало бы требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, а также дало бы основания полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с пунктом 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на

основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет учитывает совокупность описанных выше обстоятельств, характеризующих его профессиональную деятельность, а также перенесенное им заболевание, и считает необходимым установить указанный срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

РЕШИЛ:

Применить к адвокату К. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившееся в том, что:

– заключив с Ка. 28 января 2025 года Соглашение № 1 об оказании юридической помощи, в соответствии с которым им было принято поручение по осуществлению защиты Ка. в СО ОМВД России по району М. города Москвы, он не выдал доверителю экземпляр указанного соглашения;

– удержав из оказавшихся в его распоряжении по состоянию на 02 февраля 2025 года денежных средств Ка. в общей сумме 155 283 рубля денежную сумму в размере 25 000 рублей в счет причитающейся ему оплаты за работу по Соглашению об оказании юридической помощи от 28 января 2025 года № 1, он в неустановленную дату внес ее в кассу адвокатского кабинета, но не выдал доверителю Ка. квитанцию к приходному кассовому ордеру;

ненадлежащее, вопреки требованиям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 5 ст. 9, п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных

обязанностей перед доверителем Ка., выразившееся в том, что он, получив в свое распоряжение денежные средства Ка. в общей сумме 155 283 рубля и удержав из них 25 000 рублей в счет вознаграждения за оказание юридической помощи, имея реальную возможность перевести доверителю Ка. на ее лицевой счет в ФКУ СИЗО-6 ГУФСИН России по городу Москве денежные средства в размере 130 283 рубля за вычетом соответствующей комиссии, в срок по 19 мая 2025 года перевел ей только 56 000 рублей, оплатив комиссию за переводы из средств доверителя в размере 3 074,4 рубля, а оставшиеся денежные средства в размере 71 208,6 рублей в отсутствие законных оснований удерживал вплоть до смерти доверителя, наступившей 04 июня 2026 года, под предлогом потери с ней связи после отправления ее к месту отбывания наказания и невозможности определения суммы, причитающейся доверителю Ка.

Установить срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Ка. от 12 января 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**